

Калыбаева А.А., Тен А.В.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ УКУКТУ ИЗИЛДӨӨНҮН КЛАССИКАЛЫК ЭМЕС МЕТОДУ КАТАРЫ

Калыбаева А.А., Тен А.В.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КАК НЕКЛАССИЧЕСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВА

A.A. Kalybaeva, A.V. Ten

PHENOMENOLOGY AS A NON-CLASSICAL METHOD FOR STUDYING LAW

УДК: 340/004.056:34.03/30:34

Макалада феноменологиялык ыкма ачылып берилген, ал юридикалык кубулуштарды толук изилдөөгө классикалык эмес ыкма катары сунушталат. Корутунду мыйзамды билүүдөгү заманбап догматизмдин шарттарында жаңы методология жөнүндө маселе келип чыгып жаткандыгы далилденди. Бул учурда феноменология трансценденталдык напсинин түшүнүгүнө белгилүү бир түзөтүүлөр киргизилгендиктин натыйжасында практикага багытталат. Натыйжада, феноменология субъекттин акыл-эс ишмердүүлүгүн сүрөттөө теориясы гана болбостон, жамааттык тажрыйба жүзөгө ашырылган жолдордо чагылдыруу жолу болуп калат. Бул чагылдыруу ар кандай тажрыйбаларды шайкеш келтирген критерийлерге, ошондой эле бул тажрыйбалардын актуалдуулугуна тиешелүү. Укук таануу жаатындагы феноменологиянын практикалык багыты, укуктук тажрыйбаны актуалдаштырууга жана ага зарыл түзөтүүлөрдү киргизүүгө мүмкүндүк берген бүтүндөй укуктук ченемдик укуктук ченемдерди изилдөөчү феноменологиялык чөйрөнүн чектерин тактоо үчүн иштелип чыккан методикалык процедураларды ырааттуу колдонууну талап кылат.

Негизги сөздөр: укук, укуктук кубулуштар, укук методологиясы, феноменология, кыскартуу, сүрөттөө, интросубъективдүүлүк, укуктук аң-сезим.

Статья раскрывает феноменологический метод, который предлагается в качестве неклассического подхода к тому, чтобы наиболее полно исследовать правовые явления. Обоснован вывод о том, что в условиях современного догматизма в познании права, остро встает вопрос о новой методологии. В данном случае феноменология становится практикоориентированной в результате того, что в концепцию трансцендентального эго вносятся определенные коррективы. В итоге, феноменология становится не только теорией описания мыслительной деятельности субъекта, но и способом рефлексии по поводу тех путей, через которые реализуется коллективный опыт. Эта рефлексия относится к тем критериям, которые согласуют различный опыт, а также к актуальности этого опыта. Практическая направленность феноменологии в области

юриспруденции требует последовательного использования методологических процедур, которые призваны уточнить пределы феноменологического поля исследования всего правового, что позволит актуализировать правовой опыт и внести в него необходимые коррективы.

Ключевые слова: право, правовые явления, методология права, феноменология, редукция, дескрипция, интросубъективность, правовое сознание.

The article reveals the phenomenological method, which is proposed as a non-classical approach to the fullest study of legal phenomena. The conclusion is substantiated that in the conditions of modern dogmatism in the knowledge of law, the question of a new methodology arises. In this case, phenomenology becomes practice-oriented as a result of the fact that certain adjustments are made to the concept of the transcendental ego. As a result, phenomenology becomes not only a theory for describing the subject's mental activity, but also a way of reflection on the paths through which collective experience is realized. This reflection refers to those criteria that reconcile different experiences, as well as the relevance of these experiences. The practical orientation of phenomenology in the field of jurisprudence requires the consistent use of methodological procedures, which are designed to clarify the limits of the phenomenological field of the study of the entire legal, which will allow us to actualize legal experience and make the necessary adjustments to it.

Key words: law, legal phenomena, methodology of law, phenomenology, reduction, description, intresubjectivity, legal consciousness.

Новый взгляд на онтологию и гносеологию может стать основой для критики присущего современной теории права редукционизма. Он позволяет преодолеть разобщенность региональных онтологий. Отметим, что задача феноменологии – это не повторение имеющегося при помощи новых понятий. Это создание той теории, которая даст наиболее полное представление о правовой действительности и тех процессах, которые в ней происходят. Именно в этом суть наиболее важной предпосылки методологического

характера в феноменологическом исследовании права. Она заключается в изучении процесса познания правовых явлений в контексте тех онтологических структур, которые вплетаются в ткань правовой действительности. А.Ф. Зотов и Н.М. Смирнова в этом смысле справедливо утверждают, что гуссерлевская феноменология имеет характер подлинной онтологии. Она обладает качеством универсальности. Для нее нет тех или иных предпочтений [1, с. 55], она уникальна. Ее уникальность заключается в том, что в результате редукции бытийность не исчезает. Напротив, смыслы в бытии становятся актуальными. Они живут в виде феноменов. А ткань мира соткана из феноменов. Всякая первооснова мира, как самоочевидность, привязана к субъекту, который мыслит. Поэтому гносеология в феноменологии базируется на мыслительном свойстве сознания, на его качестве толковать бытие. Онтология же в рамках феноменологии обращается к исследованию типов бытия, которые запечатлеваются в сознании.

Неклассичность феноменологии подтверждается и ее установкой на то, что всякое знание конкретизируется. Так, призыв «К самим вещам!» проявляется в стремлении познающего субъекта к прорыву сквозь свободно парящие конструкции, в достижении очевидности в любых утверждениях. То знание, которое отвечает данным требованиям, мы можем получить при помощи специальных феноменологических процедур, разработанных Э. Гуссерлем. Это:

- феноменологическая редукция;
- дескрипция;
- интерпретация.

Когда используют указанные процедуры, тогда приходят к оптимальным требованиям к исследованию. Эти требования отвечают наиболее полным образом тем, возможностям, которые имеются у познающего разума. Их использования способствуют тому, что познающий субъект достигает строгости феноменологического плана. В итоге появляется возможность найти сущность предмета или явления в его эйдетике.

Вместе с тем, использование феноменологического метода в исследовании правовых явлений может быть подвергнуто определенной критике. Критика может быть выражена в следующих замечаниях:

Анализ в феноменологии не самостоятелен. Он ничем не выделяется среди прочих исследований истины. Феноменологический анализ в этом смысле – часть общей модели изысканий в науке. Ведь он идет за обыкновенным знанием. И в этом он всегда предвещает философию и теорию права. Знание, полученное в феноменологии, стоит выше истины в обычном

понимании. Однако, в своем стремлении к освобождению мира от знания наличного, оно однобоко. Это требует того, чтобы после получения феноменологического знания совершились дополнительные теоретические исследования. Эти исследования будут призваны вписать феноменологическое знание в контекст всей теории познания. Феноменология становится практикоориентированной в результате того, что в концепцию трансцендентального эго вносятся определенные коррективы. В итоге, феноменология становится не только теорией описания мыслительной деятельности субъекта, но и способом рефлексии по поводу тех путей, через которые реализуется коллективный опыт. Эта рефлексия относится к тем критериям, которые согласуют различный опыт, а также к актуальности этого опыта.

Практическая направленность феноменологии требует последовательного использования методологических процедур, которые призваны уточнить пределы феноменологического поля исследования различных социальных явлений и процессов. Феноменология становится практикоориентированной в результате того, что в концепцию трансцендентального эго вносятся определенные коррективы. В итоге, феноменология становится не только теорией описания мыслительной деятельности субъекта, но и способом рефлексии по поводу тех путей, через которые реализуется коллективный опыт. Эта рефлексия относится к тем критериям, которые согласуют различный опыт, а также к актуальности этого опыта.

1) Практическая направленность феноменологии требует последовательного использования методологических процедур, которые призваны уточнить пределы феноменологического поля исследования различных социальных явлений и процессов [2, с. 56-57].

2) Феноменология в исследованиях приобретает свойство автоматизма. А это исключает сам познающий субъект. Ведь исследователь должен заключить содержание своего сознания в скобки, совершить процедуру эпохе. Он должен постоянно поддерживать процедурную форму, соответствующую феноменологическому методу. Если же исследуется содержание сознания в виде воли, то здесь, напротив, форма знания исключается вообще. При этом остается содержание, которое неизвестно кому принадлежит.

3) Интерсубъективность в гуссерлевской предпологает единое ядро объекта, общее для всех предметов. Эйдетическая же редукция ставит перед собой цель в поиске абсолютных оснований бытия. В этом проявляется следование Гуссерля Платону. Но эта

дань может быть оценена и как претензия на самую последнюю инстанцию истинности.

4) Невозможно произвести феноменологическую редукцию поскольку невозможно совершить эпоху естественной установки. Представляется невозможным в этой связи подчинить внешнее восприятие внутреннему или к жизни «Я» свести имеющуюся информацию об окружающей действительности.

Теория познания противопоставляет две феноменологии – гуссерлевская и хайдеггеровская, то есть феноменология сознания и феноменология бытия.

Эти критические замечания к феноменологии, безусловно, демонстрируют ее противоречивый характер. Но следует помнить о том, что феноменология Гуссерля является открытой исследовательской программой. Она представляет собой процедурную рациональность. А ведь в последние десятилетия современная методология науки ставит перед собой задачу освоить эту процедурную рациональность.

Уточним значение феноменологии для развития социального познания. В.Е. Кемеров утверждает, что проблема онтологической конкретизации знания определяет социальное знание. Уровень конкретизации прямо зависит от стоящих задач практического и исследовательского характера. Однако, он всегда основывается на типологические и культурные модели, при помощи которых явления воспроизводятся. Тип связей обозначает также определенные схемы реализации знания во взаимодействии между людьми. В ходе социального развития знание отражает не только бытие человека, но и выражает нечто, что невозможно отобразить. Оно закрепляет связи социально-пространственного модуса людей и способно охватить связь между субъектом и их актами, которые распределены во времени [3].

Помимо этого, феноменология находит совершенно новые подходы к преодолению преград в познании социальной действительности, частью которой является право. Она также преодолевает методологический кризис, который обнаружился в теории познания правовых явлений на современном этапе. Феноменология далека от радикальных призывов сменить имеющуюся парадигму в теории юридического познания. Она обогащает юридическое знание исследовательской методологией неклассического характера. Феноменология характеризуется тем, что осознает глубину в принципиально устройстве правовой жизни и то, что необходим разумный подход, который сохранил бы ценность рационализма в исследованиях.

Значение феноменологии для юридического зна-

ния заключено в том, что она обладает качеством эвристичности в своих положениях. Каждое из ее концепций объясняет то, как можно мыслить феноменологически. И, вместе с тем, феноменологические положения показывают нам очертания феноменологического мышления.

Философия Гуссерля обрела популярность в первой половине XX века. Это подтверждает то, что феноменология появилась своевременно и имеет колоссальные перспективы. Концептуальные положения Гуссерля определяли в качестве новой разновидности практического опыта. Эта новая практика универсальна в своей критике жизни. Она включает цели жизни, ее формы и различные культуры человечества. Наряду с этим феноменология была названа и критикой тех ценностей, которые человек определяет явно или завуалированно [4, с. 311]. В результате подобной практики формируется человечество принципиально обновленное. Оно способно отвечать перед самим собой, имея в основе интуицию высшей теоретической формы. Сами же эти интуиции – итог конfluenceции универсальной теории с общими формами интересов практической жизни. Этот синтез связан с тем, что применяются частные результаты теории, то есть те специализированные науки, которые нацелены на исследование практических аспектов жизни и которые отказались в силу этого от теоретического интереса, претендующего на универсальность.

Феноменология становится практикоориентированной в результате того, что в концепцию трансцендентального эго вносятся определенные коррективы. В итоге, феноменология становится не только теорией описания мыслительной деятельности субъекта, но и способом рефлексии по поводу тех путей, через которые реализуется коллективный опыт. Эта рефлексия относится к тем критериям, которые согласуют различный опыт, а также к актуальности этого опыта.

Практическая направленность феноменологии требует последовательного использования методологических процедур, которые призваны уточнить пределы феноменологического поля исследования различных социальных явлений и процессов.

Феноменологическая редукция помогает установить определенную форму сознания. Она вытесняет из сознания паттерны и стереотипы повседневного и научного. Редуцировать – значить открывать перед собой феномены в их чистом виде. В том виде, в котором они даны сознанию непосредственно. Цель редукции – получить, таким образом, первоначальный опыт в сознании. В результате этой операции обнару-

живается смысл предмета. Предмет при это не привносится кем-то или чем-то извне. Он сам раскрывается, демонстрирует себя таки каков он есть. Достижение этих целей и результата производится путем движения от психологической редукции к эйдетической редукции, и от эйдетической редукции к редукции трансцендентальной.

Во время психологической редукции феноменолог обращен к чистым данностям восприятия. А на этапе эйдетической редукции феноменолог усматривает феномены в их сущности. Здесь они выступают в виде чистых всеобщностей или свободно мыслимых возможностей. В завершении, в акте трансцендентальной редукции феноменолог обращен к чистому опыту. Из него реальность элиминируется. Сам же исследователь превращается в трансцендентальное «Я». Она становится функцией субъективности. Цель этого последнего этапа редукции состоит в том, чтобы разрешить проблему корреляции конституирующей субъективности с конституированной объективностью. В этом смысле единство психологической, эйдетической и трансцендентальной редукции образует редукцию феноменологическую, которая являет собой весьма сложную процедуру методологического плана.

В рамках феноменологической методологии следующим этапом должны быть процедуры описания и интерпретации тех результатов, который получены посредством редукции. Феноменологическая описания представляет собой процесс осмысления, обобщения и закрепления качеств предмета, которые являются самоочевидными, относительно формы. Гуссерль утверждал, что описания предусматривает в себе то, что феноменолог должен обратиться к двум измерениям предмета, которые взаимосвязаны между собой. Это данности предмета в ходе интенционального переживания и в ходе интересующего конституирования «Другого». Иными словами, описания отражает условия познания и специфику познающего. В описания также отражена структура и основные характеристики данностей, представленных в онтологическом и феноменологическом поле.

Особенность описания в том, что ее использование приводит к проблеме бесконечности познания. Поэтому следующая процедура - интерпретация - толкования смыслов феноменов заключает в себя так называемый герменевтический круг. Она заключается в том, что описания с ее бесконечной регрессией описаний ставит под вопрос саму возможность понимания в отсутствие предпосылок. В.А. Серкова не случайно подчеркивает, что тот, кто интерпретирует находится в пред понимании, и в итоге получается некая

контрабанда смыслов [5, с. 7]. Поэтому в условиях отсутствия методологических способов преодоления этой проблемы провоцирует исследователя к свободным фантазиям, к мыслительным экспериментам с образами познания и конструкциями речи. С другой стороны это приводит к тому, что может быть поставлен вопрос о пределе рациональности познания в области права.

Результаты редукции, описания и интерпретации всегда будут субъективными. Поэтому они далеки от абсолютной достоверности в онтологическом пространстве. Ю.Хабермас по этому поводу верно замечает, что эта особенность социального познания может быть объяснена, поскольку она есть элемент общественного бытия. Субъекты, которые совершают общение, движутся лишь в определенных границах. Эти границы определяются индивидуальным жизненным миром субъекта. Субъекты не в состоянии перейти эти границы. Они вместе с речевыми действиями принадлежат онтологическому полю. Но вместе с тем субъекты соотносятся с теми фактами и нормами, которые они переживают.

Можно избежать неоправданных требований. По Ю.Хабермасу нужно уйти от того, чтобы отрицать рациональность в социальных поступках. Вместо этого нужно лишь выделить критерии социального познания. Посредством этих критериев очерчиваются рамки последнего. Ученый предлагает свою классификацию оснований рационального. Они следующие:

- Исторический критерий.
- Когнитивный критерий.
- Социально-психологический критерий.

Исторический критерий устанавливает такие процессы, которые поддерживают преемственность соответствующей традиции. Когнитивный критерий фиксирует согласованность знаний, достаточных для того, чтобы воспроизводить социальную практику. Социально-психологический критерий солидаризирует участников социального общения вместе с их индивидуальной адекватностью.

Подобная классификация помогает установить ту меру рациональности, которая является актуальной. Это достигается определением степени преемственности, солидарности и согласованности. Соответствующее знание при использовании указанных критериев становится пониманием.

В феноменологии же нет категории «понимание». Там мы передвигаемся от очевидности к очевидности. И каждая последующая очевидность может фактом своего существования отменить предыдущую. Это так называемый регресс очевидностей. Он бесконечен. Лишь он создает контекст для понимания

и осмысления. Кроме того, очевидность не подразумевает коммуникацию, но и не отрицает ее, поскольку коммуникация может сделаться очевидной в онтологическом поле.

Здесь проявляется еще одна категория, которая обогащает любое знание, включающее юридическое. Это интенциональность сознания. Она является основанием дескрипции предмета. При этом все тайны метафизического и познавательного плана приводят лишь к интенциональности. Лишь интенциональности мы благодарны за то, что чистая предметность встречается с чистой субъективностью. Говоря иначе, интенциональность нагружает предметностью наше сознание. В свою очередь предметность выступает основанием для холистического сознания.

Принцип интенциональности необходим во всем юридическом знании, поскольку наша жизнь протекает в непосредственном опыте. Сама жизнь правового сознания и его когнитивных свойств часто остается незамеченной. Она ускользает от нашего внимания. Это можно сравнить с тем, что мы можем видеть вещь, но сам процесс видения находится вне поля нашего внимания. Чтобы обнаружить это, нам следует совершить эпохэ и отрефлексировать собственный опыт. В итоге мы увидим как структуры сознания со всеми механизмами его действия, но и его главное качество – интенциональность. Этот принцип противостоит традиционному пониманию субъект-объектной установки рациональности, которая доминирует в юридической науке. Он говорит нам о том, что предмет не дается субъекту в качестве условия существования. Сознание субъекта неотделимо от предмета, к которому оно направлено.

Еще одними основаниями юридической феноменологии являются intersubjectивность и его интерпретация как условия правового. Само это понятия Гуссерль видел необходимым в силу того что трансцендентальное «Я», выступая результатом трансцендентальной редукции, может оказаться солипсическим. Она может остаться в ситуации *solus ipse* в течение всего процесса толкования самого себя под предлогом феноменологического анализа. Солипсизм преодолевается при помощи интенциональных модусов трансцендентного «Я» - «Ты», «Мы», «Они»... Они совокупно формируют intersubjectивное поле. Проще говоря, сущностной связанности людей друг с другом. Именно формой этой связанности выступает право, несущее в себе определенную intersubjectивную волю. Эта априорно-идеальная общность предполагает, что трансцендентальное «Я» может понимать выражение воли других по аналогии с самим собой. Это и есть предпосылка наличия так называемого

эмпирического поля, в котором находят отражение теоретические построения в области права.

Особое значения для развития юридического познания имеет учение об онтологическом поле, жизненном пространстве или жизненном мире.

Гуссерлианцы показали, что любое человеческое знание имеет смысловую основу. Этим фундаментом предстает жизненный мир. В феноменологии всякая очевидность проистекает из очевидности жизненного пространства.

Только из жизненного мира проистекают очевидности в виде чувства убежденности. Ощущение убежденности лежит в основе науки. Именно оно определяет предпосылки, цели, функции последней. Жизненный мир предстает перед нами в своей принципиальной очевидности. Эта очевидность дополняема. Но западная наука завуалировала форму принципиальной наглядности. Она назвала это научной картиной мира. Западная наука самоуверенно полагает, что является подлинным отражением мира.

Но подлинное представление о мире реализуется в жизненном пространстве. Именно жизненный мир выступает основой для всякой деятельности. Лишь он доступен опыту. Только из его наглядности можно получить опыт. В жизненном мире наша жизнь раскрывается и проистекает. Он всегда такой, каким он явлен в себе, в своей онтологической форме. Он неизменен, обладая собственным стилем детерминизма. На него никак не влияет то, что мы делаем и как мы это делаем [6, с. 74].

Частью жизненного мира является право, как элемент в структуре социальной реальности. В свою очередь А.Шюц определял социальную реальность как множественность событий и предметов, которые имеются в социокультурном мире. Социальная реальность явлена в обыденном сознании, как опыт людей, живущих в повседневности друг с другом и связанных диалогичными отношениями. Первичное восприятие мира не субъективно. Мы видим его как intersubjectивный мир. Для нас изначально мир общий для всех. Это актуальная данность, которая доступна любому. Подобное восприятие приводит к появлению межличностного общения при помощи языка [7; с. 485]. Социальная реальность при таком подходе представлена в качестве структурного элемента жизненного мира.

П.Бергер и Т.Лукман же полагают, что социальная реальность конституируется. В этом ее отличие от природной реальности. Смыслы, которые ей присущи возникают и воспроизводятся постоянно и отражаются в интерпретациях социальных субъектов в их ком-

муникации. Но в то же время осмысленные акты способствуют поддержанию общества. Они могут существенным образом его видоизменять. И в этом знаменитый парадокс общественного. Он состоит в том, что мы определены обществом, но и общество определено нами. Общество нуждается в признании со стороны людей. Это признание единственно необходимая основа как самого общества, так и его институтов [8, с. 26].

В этой связи социальный мир есть жизненный мир, который конституируется через смыслы, которыми мы его наделяем и соответствующие ценности. Поэтому проблема социальной реальности представляется как проблема причинности значений и смыслов.

Потому жизненный мир не способен существовать вне его признания. А поскольку он включает в себя социальную реальность, то и она вместе со своими институтами также должна быть признана. И правовая реальность не является здесь исключением.

Жизненный мир состоит из самых разнообразных реальностей. А индивиды всегда сосредоточены на отдельных сторонах жизненного мира. И поскольку люди склонны представлять свой субъективный опыт как опыт универсальный, то разнообразные общественные связи обуславливают общество. По мнению А.Шюца возникающие при этом конфликты в коммуникации снижаются повседневными типизациями субъектов социального общения. П.Бергер и Т.Лукман при этом обращают внимание на то, что в основе типизации всегда лежат язык, знания и символы.

Обозначенные концептуальные положения дают возможность вообразить потенциал феноменологии в юридических исследованиях правовых явлений и процессов. Феноменология в юридическом познании заключена в возможности изменения ракурса научного видения. Здесь возможно переместить вектор исследовательского любопытства от правовых структур и институтов к фундаментальным качествам опыта познания и жизненного пространства. Поэтому юридическая феноменология может быть определена как

направление теории права, а также как неклассическая программа научного исследования. Она заключает в себе особую логику познания правовой реальности. Посредством этой логики сквозь смысловые структуры правовой реальности можно познать конкретные правовые институты и категории. В свою очередь объективность правовых явлений и форм кристаллизуется сквозь призму субъективных измерений онтологического поля.

В контексте феноменологии право может быть определено как итог смыслообразовательного процесса, который инициируют сами участники правовой коммуникации. Здесь следует отметить, что право предполагает как субъективированные, так и объективированные измерения. Последние представлены в виде осмысленных данностей, которые объективно предшествуют последующим интерпретациям. В целом, субъекты, порождаемые ими смыслы, формы деятельности человека в своем единстве формируют жизненный мир, частью которого является правовое пространство.

Литература:

1. Зотов А.Ф., Смирнова Н.М. Феноменология и эволюция самосознания человека европейской культуры // Вестник МГУ. - Сер. 7. - Философия. - 2000. - №6. - С. 55.
2. Селиванов Ю.Р. Два метода феноменологического исследования культуры // Вестник МГУ. - Сер. 7. - Философия. - 1998. - №1. - С. 56-57.
3. Кемеров В.Е. Социальная феноменология и социальная философия // Социемы. - 2003.- №9. [Эл. ресурс] URL: http://www2.usu.ru/philosophy/soc_phil/rus/texts/sociemy/9/kemerov.html (Дата обращения: 21.02.2004).
4. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия / Культурология. XX век. - М., 1995. - С. 311.
5. Серкова В.А. Феноменологическая дескрипция. - СПб.: Изд. СПбГУ, 2003. - С. 7.
6. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введения в феноменологическую философию. - СПб., 2004. - С. 74.
7. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках /Американская социологическая мысль: Тексты. - М.: Изд-во МГУ, 1994. - С. 485.
8. Бергер П. Общество как драма. // Человек. - 1995. - №4. - С. 26.